

лектуалистскую трактовку морали: человек, по мнению Плифона, создан для того, чтобы наблюдать со всей пронизательностью, на которую он способен, природу вещей, их соотношения и причины их становления. Совершенство человека не достижимо ни в экстазе, ни в мистике — оно достижимо только в науке. Ключевая добродетель (в системе Плифона это была *φρόνησις*) призвана, по мысли философа, обеспечить наилучшие условия для деятельности *ratio*, для научного и философского осмысления действительности. «*Φρόνησις*, — говорит он, — это последняя и самая совершенная часть добродетели, это состояние духа, наблюдающее реально существующие вещи, чтобы понять, каковой именно каждая из них является» (*Pléth. Vert.* P. 4, 1.2—4). Плифон подчеркивает огромное превосходство ученого человека над неученым: первый рассматривает любую вещь, исходя из собственного разума, второй руководствуется догмой вместо разума. Плифон высказывает весьма знаменательную в устах гуманиста мысль о том, что познание человеческих дел является наиболее полезным, так как касается вещей, близких нам самим (*Ibid.* P. 11, 1.7—14). Вторая часть *φρόνησις* как основной добродетели — это «физика». Она также делает немалый вклад в высшее счастье прежде всего потому, что позволяет человеку жить тем лучшим, что в нем есть, — разумом, применять его для познания вселенной, чтобы понять, что есть каждая из вещей, благодаря чему она возникает, на что способна по природе своей и на что не способна (*Ibid.* P. 11, 1. 15—19). Весь этот пассаж сочинения Плифона не без основания называют «гимном разуму и науке»²⁰.

Вместе с тем философам палеологовской эпохи отнюдь не была чужда унаследованная от античности идея слабости человеческой природы, пессимистический взгляд на судьбу человека. Следуя древним, византийцы (например, Иоанн Аргиропул и Виссарион Никейский) считали, что для {247} человека лучше было бы вообще не родиться, чем подвергать себя всем безутешным превратностям и испытаниям жизни, а тем более смерти, перед законами которой человек бессилен (ПП. III. Σ. 313; IV. Σ. 157). Правда, ставя тот же вопрос («что лучше для человека — вообще не родиться или все же родиться и жить»), Феодор Метохит в отличие от Иоанна и Виссариона дает положительный ответ (*Theod. Metoch. Misc.* P. 339 sq.), хотя именно ему принадлежит наиболее пессимистическая концепция, согласно которой мир — этот «всемирный театр» — является обителью скорби и зла. В нем царствует Тиха, наш коварный и лукавый попутчик, поведение которой непостижимо, алогично, не подчинено доводам рассудка, мир и люди для которой — только игрушка (*Ibid.* P. 795 sq.)²¹. Потрясающий образ неумолимой и всемогущей Тихи, соединяющей всех людей общностью судьбы, содержится в «Этикосе» Метохита: человечество представлено им барахтающимся в оковах Тихи, как в одной общей огромной рыболовной сети, переполненной добычей²². Подобное представление о всеобщей изменчивости, непостоянстве, ненадежности и шаткости всех земных взаимосвязей в жизни как отдельного человека, так и целых стран и народов — общее место в философской и риторической литературе Византии XIV—XV вв.

Спрашивается, однако, что же в этом нового? Ведь и раньше богиня Тиха (вторичная в античном пантеоне, предмет постоянных риторских споров в эллинистической Греции) не переставала владеть умами византийцев, появляясь всякий раз, когда наступали периоды социальных кризисов. Но, во-первых, раньше такие представления не выходили еще, на наш взгляд, за рамки того, что можно было бы назвать, пожалуй, «обыденным паганизмом», и не означали еще сознательного противопоставления Тихи и официальной доктрины божественного Провидения. Только в XIV—XV вв. традиционная тема судьбы и неотвратимой необходимости раскрыла свои возможности, стала выдвигаться в качестве альтернативы доктрине божественного Провидения, приобретя ярко выраженное мировоззренческое значение.

Во-вторых, пессимизм Метохита и ему подобных — это новый тип пессимизма, который в духе эпохи направляет свое острие в другую сторону от христианской идеи греховности, который видит беду человека там, где раньше видели его вину, который созерцает непостижимые слепые стихийные силы рока, хаоса, фатума, но дает им свое, порою весьма далекое от церковного учения истолкование. Показательны, например, результаты исследования, согласно

²⁰ Masai F. Op. cit. P. 257.

²¹ Beck H.-G. Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952. S. 50—51.

²² Hunger H. Der Ethikos des Theodoros Metochites // ε; ἑλληνικά: Παράρτημα. 1957. Т. 9. S. 152.